

Мария Фаликман

ДЛИНЮ В ОДНО СОМНЕНИЕ

* * *

Всю осень хочется тянуть строку.
Тянуть строку, пока хватает вдоха.
Выходит плохо.

Затюканной кукушкой на суку
взамен буколики или эклоги
роняешь слоги.

Роняешь слоги, словно клён листву, и думаешь себе: пока живу,
за слогом слог, по капле, по стежку

однажды всё же вытяну строку,
часы нанизывая, дни листая, где пятая стопа – там и шестая,
а вдруг не рухнет, навесным мостом дотянется до рифмы,
а потом

до первых заморозков, до снегов,
до отпечатанных в снегу шагов,
до заметающей следы метели, до оттепели...

Да и в самом деле,
кого интересуют эти сроки?
Но рвутся строки.

* * *

От белого снега до чёрного снега не больше недели.
От чёрного снега до черной земли дуновенье циклона.
А дальше до зелени без промедления дни полетели,
а дальше черемуха, дальше сирень, и в пол-улицы крона
у старого клёна, а что нам до клёна, когда до каштана
от силы неделя, но дни, словно дворники в полуподвале,
толкнутся на месте, бранятся, и голубь им вторит гортанно,
достанешь печенья ему из кармана – заметит едва ли.

Среди зацелованных этим циклоном в почёте беспечность,
в ходу неприкаянная простота, беспардонное счастье.
А дальше, как в детстве, когда так мучительно рвутся беречь нас,
чуть-чуть заиграешься, сразу – смотри, дотемна возвращайся.
И ты возвращаешься. Морось внезапная сыплется с неба.
Отвергнута голубем, в недрах кармана крошится галета.
И вновь мимо зелени до тополиного белого снега.
До белого снега, до чёрной земли, до зелёного лета.

в Таврическом саду под дубом,
в Измайловском и всяких прочих.
Кивнув скульптурам большегубым,
стремительные, словно почерк
излишне рьяного юнкора,
дойдём до самых до окраин.
Но верю: мы вернёмся скоро,
и мы ноктюрн ещё сыграем.
И засверкает эта вера
как новенькая фоторамка
вокруг Румянцевского сквера,
вокруг Михайловского замка,
и с набережной хлынет воздух,
и взмлет в небо зонтик чей-то.
А вот и дождь. Зарница. Отзвук.
Пора, пожалуй.
Где там флейта?

* * *

Ночью город раскачивается не потому, что ветер,
Не потому, что его евреи молятся по ночам.
И даже не потому, что кто-то кого-то приветил,
Вновь задавая работы акушерам и прочим врачам.

Город точат сомнения, точно вода из краника,
И если мы невзначай заворочаемся во сне,
Он начинает раскачиваться почище, чем ванька-встанька,
Особенно в полнолуние, особенно по весне.

Городу сносит крыши, крыши летят и качаются,
Стены сносит правительство – чего им стоять без крыш?
Так вот и получается, что города кончаются,
Стоит лишь усомниться, засомневаться лишь.

Так начинаются люди, со всем своим *эрго* и *когито*,
Быть им или не быть, ломать или не ломать.
И начинают раскачиваться, и проелозят сколько-то,
Прежде чем приспособятся подушку во сне обнимать.

Но, отучившись ворочаться более или менее,
Всё равно не минуешь, сколько себя ни мурыжь,
Пути от рене до ваньки длиною в одно сомнение,
Через разрушенный город, под стаей порхающих крыш.

* * *

Попад под этот снегопад, припомню тот.
Небесный свод над головой и тусклый свет
пятиэтажных типовых московских сот,
пустыми окнами глядевших нам вослед.
Залеплен снегом от макушки и до пят,
шагал под снегом запоздалый пешеход.
Быть может, с небом он поспорить был и рад,
да только с небом спорь, не спорь – один исход.
Один итог, один и тот же липкий снег,
обрубок тополя – и тот как будто сник.
А с неба хлопьями валил двадцатый век
на тех, кто мечен им. И ты – один из них.
И ты, не сняв его шинели, вышел вон.
Его метелью заметён, его не сдал.
А снег валил, валил, валил со всех сторон,
и век на лавочку бессильно оседал.
Но даже в самых безысходных зимних снах
тебе не виделась такую смена вех,
тебя не сковывал такой дурацкий страх,
что он, двадцатый, уходя, засыплет всех.
Засыплет снегом, а не пеплом и песком,
в ином столетии желая всяких благ,
а дальше пользуй кипятком, ползи ползком,
над снежной крепостью вздымай свой белый флаг.
А снегопад стирал следы, глаза слепил.
И спал мальчонка на четвертом этаже,
который крепость эту снежную слепил.
Да только он про снегопад забыл уже.

* * *

Как чайник, по вечерам гудит голова. С утра мельтешат
снежинки в оконной раме. Поди ещё отыщи своего волхва,
который к тебе решится прийти с дарами. Поди догадайся,
что он имел в виду, даря тебе небо-чашу, луну-камею,
твердя у дверей: куда ж я такой войду, вы лучше дары
возьмите, а я не смею. И ты на него глядишь, распахнув
глаза, и он на тебя, и как-то мрачнеет сразу. Сказал же
пастух: над домом висит гроза. Так нет бы прислушаться,
что ли, к его рассказу.

И вот он глядит и видит, что дело швах. Но он ведь не скажет,
он не за тем явился, и плащ его не за тем протёрся
на швах, и дым в ночи не за тем над кострами вился.

Но дело швах, это ясно, как ни крути. А он-то считал, отметится – и обратно. И вот безмятежные две недели пути тускнеют неотвратно и безотрадно. А он всё стоит, скрывая в душе разлад, кукушка в часах прилежно печали множит, тоскуют жёны его, и пустеет сад, а он тут с тобой застрял и уйти не может.

Но всё же уйдёт. И будет идти, пока твои всего ничего и его полвека не станут точкой, не видной издалека, монеткою, что зажмёт в кулаке калека. Он думает: ладно, я свой век доживу, но если и правда время наступит вскоре, где каждому полагается по волхву, то боже их упаси от таких историй.

* * *

В городе евангелиста Марка,
в соборе евангелиста Луки,
неожиданно выросшем
среди каналов и переулков,
было пусто.

Воскресная месса уже закончилась,
но что органисту до окончания мессы,
он играл себе и играл
во славу Святого Луки,
и Святого Марка,
и того,
кто восславлен обоими,
и во славу
Духа, который пронёсся над этими водами
в первый из дней,
осенняя место,
где возведут собор во имя Луки,
где поставят на сваях город
апостола Марка,
куда приплывут в корзине
святые мощи,
как близнецы из совсем другого сюжета.

Толкая по трубам
затхлый воздух кампо и калле
и соседнего гетто,
где такие же кампо и калле,
находя на ощупь педали,

переключая регистры,
он исполнил финал,
и ещё один,
и ещё.
И умолк.
И снова коснулся клавиш.
Мол, не споткнись, дружок, выходя к каналу.

* * *

Камень с дырочкой, но не сквозной,
недоделанный куриный бог,
не морочь меня своей казной,
пёстрой россыпью у самых ног.

Наклоняйся, мол, ищи, смотри,
выбирай любой, пока светло:
хочешь – этот, с искоркой внутри,
хочешь – тот, прозрачный, как стекло.

Выбирай, покуда выбор есть,
солнце сядет – согнут без следа
искорка, внезапная, как весть,
и тростник, и камни, и вода.

Свет янтарный, предзакатный свет.
Гул морской, начало всех начал.
У меня к тебе вопросов нет,
ты мне ничего не обещал.

Ты и сам пока что не насквозь,
значит, и меня бы не сберёг.
Но найдёшь тебя – попробуй брось,
бог береговой, куриный бог.

Даже и не бог ещё, а так,
чей-то недосмотр и недочёт,
медный грошик, ломаный пятак,
сквозь который боль не утечёт.

Утекает солнце в облака,
горизонты снова не ясны,
но не переводится пока
в сумке мелочь из твоей казны.